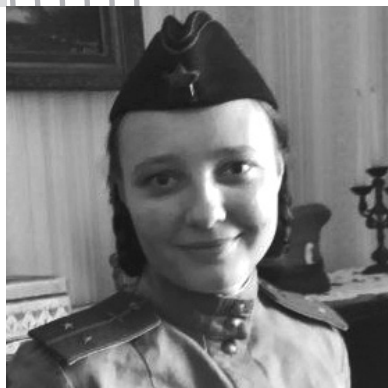

Татьяна КУПРИЯНЕЦ
ВАМ НЕ СПУСТИТЬСЯ
К НАМ ИЗ СИНЕВЫ

Стихи

ПОЧЕМУ Я ПИШУ О ВОЙНЕ

Почему я пишу о войне,
Мысли строчками рифм выражая?
Что такого пылает во мне,
Что мне боль несвоя — не чужая?

Что мне грохот разрывов былых,
Ведь воронки затянуты лесом?
Почему же с дорог фронтовых
Временная спадает завеса?

Что мне давние отблески трасс?
Где во времени рана сквозная?
Почему за других каждый раз
Эти трассы *мне* сердце пронзают?

Где рождаются мысль: «Я им друг» —
И стремленье помочь тем солдатам?..
Это я в сорок каждом году.
Рядом с ними. За них. Это я там...

«НАЙДИ МЕНЯ...»

*Посвящается летчику
Леониду Павловичу Коробущенко,
пропавшему без вести в 1941 году*

Казалось, быть — под плотным одеялом
И все, кого нет рядом, далеки.
Казалось... Но от были отделяло
Всего одно касание руки.

Виктор ПРАВДИН

НЕПОБЕДИМЫЙ ЗЛОМ

Роман-версия. Окончание¹

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Час разбоя и святости

1919 год.

Двадцать девятое апреля,
вторник (немного больше за полночь)

Прошедшей предвечерней порой тринадцатая камера, в которой батюшка Константин несколько последних дней достаточно спокойно вел беседы с Иваном Завадским, неожиданно начала наполняться. Очень скоро места почти не осталось, впереди была ночь, а спать можно было лишь прислонившись спиной к стене, и то по очереди. Коммунист Завадский возмутился, начал вспоминать нормы квадратных метров на человека в царских полицейских участках, в результате поскандалил с начальником тюрьмы Юргасом и оказался в одиночной камере. Завадский продолжал громыхать в дверь и требовал, чтобы его тотчас вернули назад или переселили к нему батюшку Константина, что вызвало у надзирателей громкий издевательский хохот.

Батюшку Константина трудно было чем-то удивить, но это удалось Алексею Соколову, настоятелю православной церкви из деревни Язно. Увидел его иерей, узнал и бросился с объятиями, как к родному брату. Только Соколов в шумное камерное предвечернее время не сразу признал в исхудавшем, измученном тяжелыми болезнями, сгорбленном седом старике Константина Жданова. Разговор ни у них, ни у других вновь заселенных почему-то не клеился. У арестантов возникало ощущение, что тяжелая смрадная камера к каждому присматривалась, изучала. Недоверие, которое, казалось, витало в воздухе, передалось и сидельцам. Они изредка бросали друг на друга напряженные взгляды. Было очевидно, что за тюремную решетку эти арестанты попали

¹ Начало в №№ 1—4 за 2025 год.

впервые, и сейчас настороженность — единственное для них средство выжить и избежать наихудшего.

Долго примерялись арестанты к новым обстоятельствам, но в какой-то момент все-таки начали перебрасываться, на первый взгляд, будто бы пустыми фразами. Чтобы начать разговор, у каждого сам по себе возникал вопрос: «За что?..» Ответ звучал сдержанный: «Ни за что... Люди оговорили...» Дальше — больше. Понемногу почти все разговорились, и тот, кто назвался Вертинским, смело сказал: «Сейчас донос и наговор — оружие дисненских властителей!..» После этих слов сидельцы вновь надолго замолчали, очевидно, испугались отваги этого человека, в осанке которого, и особенно в голосе, чувствовались смелость, представительность, уверенность.

Неожиданно заговорил человек, который несколько часов молча сидел возле стены, обхватив голову ладонями.

— К людским наговорам мы с женой привыкли... — молвил он и обвел присутствующих какими-то словно замыленными, белесыми глазами. Остановил взгляд под потолком, на единственном квадратном окошке, в котором виднелся кусочек неба. — Боже, помоги!.. — отчаянно выкрикнул человек. — Нас с женой обвинили, будто наши сыновья-офицеры воюют на стороне белогвардейцев!.. Можно ли в такое поверить, если у нас никогда не было сыновей?! Смолоду мы хотели, мы очень хотели, чтобы у нас сыновья были!.. Да Бог не дал!.. Арестовали, обвинили, и никто слушать не хочет, стоят на своем: «У Чуро сыновья есть, и они — белогвардейцы!..» Где искать правду?.. Полагаю, нас в кучу собрали и, наверно, в Витебск повезут. Надеюсь, там смогут во всем разобраться...

Батюшка Константин только поднялся, чтобы подойти к Чуро и попробовать успокоить, но в этот момент в коридоре громко затопали, кто-то грохнул в дверь кованым сапогом, видимо, чтобы разбудить сидельцев. Нервно заскрежетал в замке ключ, угрожающе скрипнула дверь, и в камеру ввалились несколько человек.

Среди них был начальник тюрьмы Юргас, заместитель начальника милиции Бобровский, назвавший себя и важно обозначивший должность. Он вытащил из кармана пополам сложенную записку, хохотнул, строго объявил:

— Жданов, Соколов, Корсак, Чуро, Вертинский, Лазарев и Завадский — на выход...

— Лазарев и Завадский в других камерах, — уточнил Юргас.

— Кого назвал, выводим на улицу, Лазарева и Завадского тоже следует доставить.

— Нас переводят в Витебск?.. — собирая свои вещи, спросил Чуро и вытер рукавом заплаканные глаза.

— Да, в Витебск... Вещи свои не берите, — недовольно буркнул Бобровский, добавил: — Завтра довезем.

— Никогда такого не было, чтобы назавтра вещи привозили!.. — насторожился Вертинский. — Мы и сами.

— Приказано выходить, значит, выходим!.. — злобно толкнул Вертинского незнакомый человек, одетый наполовину в военное, и густо выругался матом. Камера наполнилась сивушным перегаром, а он уже толкал всех, кто попадался под руку, на выход, к двери.

— Меня не называли! — напряженно выкрикнул аптекарь Нейштадт.

— И меня тоже, — спрятался дальше, в самый угол камеры, Гайлевич.

Людмила ВОРОНОВА У ОБЕЛИСКОВ...

Стихи

У ОБЕЛИСКОВ...

Батальоны, ушедшие в вечность

Батальоны, ушедшие в вечность,
Вас уже никогда не вернуть.
Где-то там, на пригорке, за речкой
Затерялся последний ваш путь.

До сих пор отголосками слышен
С тех времен шаг военных сапог.
Васи, Коли, Иваны и Миши —
Такт чеканит бессмертия полк.

Каждый год вы проходите в мае
Строим памяти в наших сердцах.
И все больше и больше за вами
Тех, кто слышит победный ваш шаг.

Рядовые бойцы, офицеры!
За Отчизну в боях полегли,
Для потомков вы стали примером,
И за это — поклон до земли!

ЗВУЧАЛА МУЗЫКА ВОЙНЫ

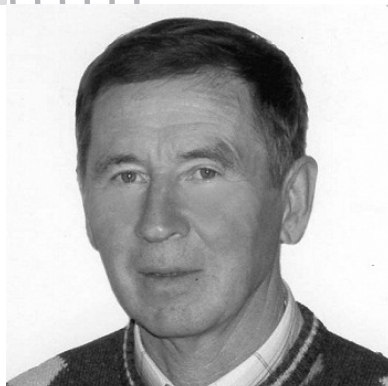
Звучала музыка войны
Атакой, боем, канонадой,
Победным маршем, той цены,
Что заплатили в сорок пятом.

Звучала музыка в речах,
В сердцах и в памяти народной,
В салютах, в памятных свечах...
И не была она не модной.

Владимир ТУЛИНОВ

РЕКВИЕМ
ЛЕСОВ
ВАЛДАЙСКИХ...

Повесть¹

...Утром, когда рассвет, набрав силу, выхватил из тьмы очертания лесной дороги, опушки леса, заснеженной чащи и множество сидящих на снегу среди сосен и елей людей в белых масках, последний разгруженный автомобиль развернулся на опушке и налегке покатил в направлении Выползово.

У толстой сосны Таранов собрал в кружок командование бригады на короткое совещание.

— Первоначальный план: двигаться только в темное время суток — отпадает. Через такие буреломы и заросли, — комбриг очертил в воздухе рукой полукруг, — и днем идти будет тяжело. Какие есть соображения, товарищи командиры?

Собравшиеся у сосны комиссар и начштаба бригады, командиры батальонов, начальник санслужбы не спешили высказаться, обдумывая сказанное командиром бригады. Первым нарушил молчание решительный голос капитана Жуковского, командира первого батальона:

— Товарищ подполковник, предлагаю начать движение к месту сосредоточения в немецком тылу — нашей базе на болоте Невий Мох — незамедлительно. Открытые пространства преодолевать ползком.

— Открытое пространство может оказаться на пути следования полем либо замерзшим болотом в сотни метров длиной, — покачал головой Матяхин. — Десантники нагружены под завязку. Одних минометов сорок две единицы, боеприпасы к ним, ручные пулеметы и другого имущества на полусотне волокуш едва уместилось. Ползти с таким грузом по глубокому снегу... Этак и за неделю до базы не доберемся.

Решительный, острый на словцо майор Васильченко — начштаба бригады — запальчиво поддержал комиссара:

— От места, где мы сейчас расположились, до северной окраины болота Невий Мох по прямой около 50 километров. Ползая в прямом смысле по болотам, мы попадем на базу ближе к лету.

Успокаивающим жестом Таранов прервал обсуждение и решительно объявил:

¹ Продолжение. Начало в №4 за 2025 год.

Валентина ДРОБЫШЕВСКАЯ

ДИТЯ ПОБЕДЫ

Стихи

МОГУЧЕЕ СЕРДЦЕ

На лацканах желтые звезды горят.
Не может на брата сестра наглядеться:
Вернулся домой синеокий солдат...
С осколком под сердцем.

Еще двадцать два, но уже седина...
Ему бы влюбиться, ему бы согреться!
Но режет скрипучею болью война
Осколком под сердцем.

Он хату построил и баню срубил.
Спешил, не жалея себя в круговерти,
Как будто за ратных товарищей жил...
С осколком под сердцем.

Детишек растил и колхоз поднимал.
В округе прослыл мудрецом и умельцем,
Но часто заснуть до утра не давал
Осколок под сердцем...

На небе советские звезды горят:
Там, в сонме крылатом, среди одноземцев,
Гордится Великой Победой Солдат —
Могучее сердце.

Петр ЖОЛНЕРОВИЧ

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Рассказ

*Памяти погибших жителей
деревни Любча Вилейского района*

Ганэта проснулась как всегда рано, быстренько оделась, остановилась у рукомойника, чтобы сполоснуть заспанное лицо, и вышла из хаты.

Весна роскошествовала. Начало мая выдалось по-летнему теплым. Вишни и сливы окутали ажурные облачка белехоньких цветочков, а почки на нескольких яблонях набухли и красными огоньками поблескивали меж голых, без листьев, ветвей. Еще неделя — и они добавят еще большей прелести крестьянскому двору.

Но Ганэте не доставало времени рассматривать какую-то там красоту, а стоять и любоваться ею — тем более. Природа просто обрадовала сердце матери и словно дала возможность промелькнуть мысли: «Слава богу, какой денек!..» Пятидесятилетняя женщина быстро пошла в дровяной сарай, набрала охапку дров и возвратилась в хату, чтобы растопить печь и что-нибудь приготовить на завтрак и на весь день.

Вчера была Радуница, но пословица «На Радуницу утром пашут, по обеду плачут, а вечером пляшут» как-то обошла Озерец и в этом году, и в прошлом. Что тут говорить, если вчера, четвертого мая тысяча девятьсот сорок третьего года, праздник был будто и не праздник.

Притихшие хаты грустно обозревают весенний расцвет природы, а люди, оставшиеся в деревне, словно какие-то призраки, возятся в своих дворах и почти не переговариваются с соседями. Не слышно ни смеха, ни шуток. А тем более пения и танцев вечерами...

Женщина вчера сходила в церковь в Вязынь, поставила свечи, отстояла литургию и панихиду, а потом, вернувшись, съездила на повозке с мужем Андреем на кладбище, расположенное в двух километрах от Озерца. Так уж случилось, что своего погоста деревня не имела: одни везли покойников в Ярмоличи, другие — в Редьковичи. Расстояние до них почти одинаковое. Пожалуй, предопределение было в этом — не иметь своего места упокоения деревеньке из тридцати дворов...

Пока топила печь, встал Андрей и пошел ухаживать за живностью. Да какая там живность! Слава богу, что остались корова и конь, имеется хоть свое молоко, и масло, и клинковый сыр. И десять курочек бегают во

дворе. Подсвинка зарезали к Рождеству, а покупать поросят не с руки: живешь и не знаешь, что будет завтра. Вон на Страстной неделе похоронили озерецкого Андрея. Его, беднягу, с мужчиной из другой деревни немцы заставили тянуть борону по большаку из Вязыни на Вилейку и таким образом пытались найти мины. И что же?.. Почти километр бороновили дорогу, Андрей вспотел, обессилел, а потом... Рвануло за спиной, поднялись в воздух камни и гравий, отбросило мученика на обочину. И земная жизнь для него закончилась, уже где-то идет по мытарствам, собирается на небеса, ведь еще и сорока дней не прошло.

Лишь сейчас, готовя кое-какую еду, Ганэта вспомнила прошедшую ночь, необычно длинную, тревожную и мучительную. А может, повлияло посещение кладбища на Радуницу? Да нет, они ведь с Андреем наведались к предкам передать им добрую весть, что Христос воскрес! Не могут так родители влиять на детей — своих кровинок, которых пустили в свет, вырастили, а потом, как положено, отдали замуж или женили. Они, предки, дарят тем, кто их навестил, доброту и умиротворение, благодарят, что не забыли о их душах.

Но почему же так заняло сердце? В памяти остались обрывки ночного сна. Будто старшая дочка Агатка еще подростком вместе с нею собирает лечебные травы на заливном лугу и так радуется, что едва ли не пляшет, негромко поет свою песенку о реченьке «неполной, с бережком не ровной». А потом дочка бросается бежать и исчезает за горизонтом. Куда это она?.. К речке? Но ведь возле деревни ее нет, лишь озеро... И откуда-то издалека долетает молодой голос Агатки: «Я еще вернусь... Я еще вернусь...» Что бы это значило? Может, жизнь Агатки — это и есть реченька? Но почему тогда она неполная и неровная? Как ни силилась Ганэта что-либо додумать о своем странном сне, но так ничего более-менее стоящего не поняла.

А Агата вот уже двенадцать лет как замужем.

Девочка, первый ребенок Ганэты, в восемнадцать уже выглядела красивой и привлекательной. Пока о замужестве родители и не думали. Конечно, в то время, под Польшей, денег было мало, и решили отпустить дочку на заработки, благо рабочие руки требовались на усадьбах осадников, которых в двадцатые годы в здешних местах наделили землями, и за десять лет хозяева разжились кое-каким добром. Была селитьба и в Михалёве, не очень далеко от Озерца, и в Располье. Но место нашлось только в Вязыни — местечке в пяти километрах. Там и панское поместье, там и винокурня. Агатка работала в основном горничной: следила за чистотой постельного белья, иногда помогала на кухне. Молодого рвения хватало, хоть и руки после стирки были «украшены» едва ли не кровавыми шрамами от мыла и соды.

Для родителей было неожиданностью, когда однажды при встрече Агатка сказала, что у хозяина работает красивый парень Пётра, а для нее — Петрусь, который ей очень нравится. Согласно обычаю в то время выбирали будущую жену сыну родители, могли приехать свататься к девушке, которая и не знала парня. Но что поделаешь? В тридцатые годы мир уже начал меняться, и родители вынуждены были учитывать желания своих повзрослевших детей, жаждавших не только создать семью, но и прикоснуться к счастью.

Посоветовались между собой Ганэта и Андрей — слишком уж любили свою первую доченьку — и решили пойти ей навстречу. Как раз приближалась осень, вот-вот Покрова, и отец сказал:

— Покумекали мы, Агатка. Кое-что в хозяйстве есть, приданое мы заблаговременно подготовили: сундук, как и положено, постель, ну и коровку... Передай своему Пётру, чтобы присылал сватов.

Парень работал у хозяина с конем в основном на полях, ему до родной деревни было дальше, нежели Агатке до Озерца, — аж десять километров. Его Любча была такой же небольшой, даже поменьше, — двадцать три двора.

Свадьба в октябре гудела сразу в Озерце, а потом, переехав к родителям Пётры, — в Любче. И вот уже двенадцать лет Агатка там. Нажили с Пётрой троих деточек. Как радовалось сердце матери, когда к ним навывались дочь с зятем и любимыми внуками!

К сожалению, последний раз это было на Троицу в сороковом году. Ганэта очень любила этот праздник, который тогда пришелся на шестнадцатое июня. Самый расцвет природы! Еще не видно никаких признаков ее умирания, все буйно растет в неудержимом стремлении как можно больше взять и от ласковых солнечных лучей, и от теплых жизнерадостных дождей. Ганэта наготовила целый стол разнообразных лакомств и для взрослых, и для внуков. Меньшенькому, Николке, не было и годика, а старшему, Леньке, — восемь лет. А меж ними еще и Лида. Как сегодня стоит перед глазами праздничный стол, на котором главное место занимает глиняная тарелка со стопкой вкусных гречневых блинчиков, которые ловко хватили внуки и макали в верещаку, вылавливая там то сваренный сушеный боровичок, то ребрышко, то кусочек колбаски. Особенно усердствовал Ленька — вымазался до неузнаваемости, потом Агата отмывала детей во дворе, куда выносили рукомойник на лето.

А Агата оказалась еще и сватьей. Марья, сестра Пётры, была вдовой: муж погиб в сентябре тридцать девятого года под Варшавой. А в Озерце жил старый кавалер Винцук Селявко. Вот и свела их Агата. Какое-то время спустя Винцук пошел в примы в Любчу и неплохо прижился в семье Марьи...

Ганэта взяла подойник и пошла к своей Рыжуле. Благо, что вскоре ее можно будет вывести на пастбище: остались каких-то два дня до Юрьи, когда по обычаю все деревенские после зимы в первый раз выгоняли коров на зеленую траву. Погода благоприятствовала, и женщина подумала: «Подую Рыжулю на дворе, сейчас ведь и поили ее возле колодца, а не носили воду в хлев». Только накинула на рога веревку — вновь защемило сердце, так кольнуло где-то под ребрами, что пришлось даже придержаться за корову. В очередной раз Ганэта вспомнила свой сон, вновь почему-то подумала об Агатке.

...Смена власти в тридцать девятом еще не повлияла на отношения между родными и близкими. Кажется, жили как прежде, но уже без панов, без осадников, которые были куда-то вывезены из своих уже хорошо насиженных гнезд. Постепенно усадьбы в Михалёве, Располье и Вязыни опустели. А потом снова беда — сорок первый год... О посещении родных можно было только мечтать. Жили Ганэта с Андреем в основном слухами о своих любчанских детях и внуках.

А слухи ходили разные. Любча ведь находится в окрестностях пуши, хоть и два километра от Малевич, но, почитай, в лесу. Партизанский край. Все время не давали чужакам покоя нападения то на гарнизоны полицаев, то на машины гитлеровцев на дорогах. На пути к Любче надо проехать два моста, расположенных сразу за Вязынью через Рыбчанку и потом за Ильей через одноименную речку. И эти мосты охранялись. Осенью сорок второго года Андрей и Ганэта, захватив младшую

тринадцатилетнюю Верку, все-таки решились проводить своих в Любче. Но и натерпелись: на мостах останавливают и проверяют подводу, спрашивают, куда и зачем едешь. Тогда же попросили Агату с Пётрой, чтобы отдали внуков в Озерце: там тише и безопаснее. Но родители отказались... Сейчас Ганэта ни о какой новой поездке при Андрее и не заикалась.

...День пятого мая в Любче выдался солнечным, светлым, таким же, как и в Озерце, — что там для погоды каких-то пятнадцать километров. Пётра Михалёнок уже готовил упряжь для коня: намеревались сажать картошку на усадьбе, расположенной неширокой полосой от самой хаты метров на пятьдесят в длину. Жить надо ведь в любых условиях. С вечера Агата со старшими детьми насыпали в мешки семенного картофеля. Сейчас она искала корзинки поменьше, чтобы не отрывались от тяжести у Леньки и Лиды руки.

Выйдя из хаты, Ленька похвастался матери и Лиде:

— Взгляните, как хозяйничают скворцы! Один поет-заливается, а второй то и дело прилетает с какими-то харчами, садится на леток, а оттуда — желтенькие клювики хватают еду. Уже и птенцов высидели. Понравился новый домик птичкам!

— Да уж! Помню, как ты в феврале мастерил скворечник. Правда, если бы не отец, сделал бы что-то несусветное... — отозвалась Агата.

— Ну мамка, ты всегда журишь меня! Я ведь еще только пытаюсь столярничать. И хорошо, что папка помогает, — бросил в ответ Ленька.

— Хватит лодырничать, деточки. Берите корзинки, набирайте картошку, — попросила Агата.

Оказалось, что не только семейка Пётры задумала сажать картошку: близкие и дальние соседи тоже усердствовали на своих делянках, покрытых слоем навоза — без него песчаная земля не отблагодарит хорошим урожаем. Перекликались-переговаривались по-соседски. Вблизи работали Марья, сестра Пётры. Видели: вдаль на участке с Винцуком хлопочет семья Ивана, родного брата Пётры.

Четырехлетний Николка озорно кувыркался в бороздах, правда, больше мешал Агате и старшим брату с сестрой. К отцу не подходил: приказано было не подлезать к коню и к плугу, упаси бог что случится...

Уже солнце смотрело свысока на усердных любчанцев, когда от леса раздались выстрелы. Потом оттуда начала приближаться цепь фашистов с автоматами. Не было никакой возможности куда-нибудь сбежать: путь для побега в чащу был перерезан, оставалось только броситься в свои дворы.

— Бери детей — и в хату! — крикнул Пётра Агате.

— Ой, Петрусь, что ж это будет?! — испугалась Агата.

— Быстрее! — еще раз крикнул Пётра. — Они прежде всего берут мужчин. Я попробую сбежать через кустарник.

И Агата, подхватив меньшенького на руки, вместе со старшими побежала домой.

Пётра по крестьянской мудрости понимал, что животное ни в чем не виновато, что к нему следует относиться с умом, жалеть своего коника. Не мог хозяин оставить на произвол судьбы запряженного в плуг своего помощника. Пока отцеплял валеки и постромки, пока снимал хомут — потерял драгоценное время. Когда бросился бежать — уже было поздно: пуля догнала на опушке, где Пётра и остался неподвижно лежать среди ивняка, украшенного желтыми сережками. Агата с детишками этого не увидели...

Предположение, что возьмут только мужчин, возможно, женщин и детей не тронут, частично подтвердилось... Потом, когда арестовали

около двадцати мужчин, те из коротких немецких фраз поняли, что это очередная карательная операция против партизан. Конечно, в партизанах были и уроженцы Любчи, но об этом знали единицы, которые по-родственному передавали в лес харчи — не умирать ведь родным людям с голода, — если надо, лечили больных в своих хатах. Как жить в лесу, сражаться с оккупантами без поддержки местных жителей, которые с малолетства знали каждую тропинку, каждое дерево в пуще?

Были такие и среди Михалёнков, которых — больше половины деревни с одной фамилией. Агата не однажды пекла хлеб и опресноки, которые Пётра относил в лес и оставлял в надёжном, договорённом с партизанами укрытии. А как же иначе? Там — дядя, два двоюродных брата... Один из них, Кастусь, зимой был ранен, и Пётра, собрав кое-какие лекарства, отнес их в укрытие.

Мужчин под дулами автоматов загнали в сарай, закрыли на засовы ворота. Что делалось в деревне, никто из них не видел...

Фашисты начали наведываться в каждую хату. Сразу брали седых стариков, парней помоложе, мужчин, которых еще не успели до сих пор схватить. То и дело дверь сарая приоткрывалась, и в нее, как в пасть какой-то дьявольской машины, толкали очередную жертву.

А потом раздалась и женские крики и причитания...

Агата с заплаканным лицом, понимая, что никуда не убежит, держала возле себя своих троих детей и не отпускала ни на шаг. Леня и Лида молчали, видимо, понимали, что происходит, а вот Николка рюмил и все спрашивал: «Мамка, хочу на двор». Но «на двор» их вытолкнули фашисты и присоединили к толпе односельчан — женщин и детей.

Неимоверный крик стоял над деревней, когда толпа двинулась по улице и серой змеей исчезала в пасти двери второго сарая, расположенного напротив «мужского». В хвосте толпы уже заметили, что фашисты начали поджигать хату за хатой.

Ласковое майское солнце безучастно смотрело на это нечеловеческое действие, которое совершали люди над такими же двуногими и двурукими. Но что оно могло поделать? Оно тысячи, а то и десятки тысяч лет видело необъяснимые поступки обитателей земли и, видимо, свыклось с этим...

Вот и за женщинами с детьми щелкнули засовы...

Многоголосый крик разливался над ажурными облачками белехоньких цветков на вишнях и сливах, над красными почками-огоньками между голых, без листьев, яблонь. Никогда они не слышали таких воплей — никогда они и не услышат такого, пока будут держать их живые корни, укрепившиеся в земле. Вместе с огненным шквалом, надвигавшимся от хат, это напоминало большой адский костер, но он не был результатом Божьего наказания — его развели те, кто взял на себя роль вершителей судеб людских без позволения на это Всевышнего.

Фашисты подожгли два факела и забросили на соломенные крыши сараев. Белесые струйки дыма, словно от разжигания сырых дров, сразу заскользили по соломе и потом, показав красные языки огня, начали разрастаться по двум крышам.

Изверги, чтобы поскорее расправиться с жертвами, начали поджигать сено и солому по бокам сараев. Пламя уже лизало стены, сливалось с языками огня на крышах. Словно судьи на процессах над ведьмами в Средневековье, палачи радовались результатом своего нечеловеческого дела, наблюдая за смертью девяноста трех человек, среди которых было сорок семь детей. Тех, кому следовало жить и продолжать дальше человеческий род, исполняя Божью заповедь «плодитесь и размножайтесь».

Анатолий ЗЭКОВ

ТРЕТИЙ

Рассказ

Игнат сидел на скамеечке во дворе, прислонившись к шule дома, старой, как и он сам, и, ловко скользя ножом, обрезал лозовые прутья. Привыкнув с детства плести корзины, он так до сих пор и не расстался с этим своим занятием. Да и корзина — вещь такая, в деревне без нее никак нельзя. Кажется, сколько той работы, даже иной раз попросит кто-то, сделаешь, а он тебе с сеном поможет управиться или картошку на сотках осенью выкопать. Правда, бывало, что Игнат и просто за «спасибо» дарил корзины сельчанам — в любом случае не обеднеешь: были бы силы, а лозы на Горелом болоте столько, что жизни не хватит, чтобы всю срезать. Так что, считай, Игнатовы корзины в их деревне Галы чуть ли не в каждом доме были.

Не оставил своего занятия Игнат и когда началась война. Пусть и не до корзин ныне сельчанам, когда не знаешь, что тебя завтра ждет, однако и без дела сидеть Игнат не мог. Да и война же не на всю жизнь, закончится — вот и понадобятся корзины. А сумеет ли он тогда уже выбраться в то болото за лозовыми прутьями — одному Богу известно: что ни говори, а силы уже не те. Хотя еще, наверное, и не такой старый — год назад шестьдесят стукнуло, да, видимо, поизносился за жизнь нелегкую. Не мед же ложкой хлебал ежедневно, бывало, что и без хлеба приходилось перебиваться. А тут еще радикулит навалился — не вязка же сена, не сбросишь с плеч. Из-за радикулита проклятого и в партизаны не пошел, как Захар, его сосед-ровесник, потому как знал: в той лесной болотной сырости и глазом не моргнешь, как скрутит. А какой из него, скрученного, вояка. Одни только заботы партизанскому начальству. Да и что тогда останется делать в отряде: греться у костра и плести корзины? Но кому они там нужны в лесу, его корзины? Да и костер там не всегда зажечь можно. Так что, рассуждал, пусть уж сыновья (а их у Игната двое — и оба сейчас на фронте) воюют и за себя, и за отца.

Игнат подровнял прутья и только взялся изгибать опорную дужку под будущую корзину (кажется, еще мгновение — и начнут нанизываться на нее ровные упругие коричневатозеленые прутья), как издали, с каждой минутой приближаясь ко двору, послышалась картавая немецкая речь вперемешку с местечковой. Сначала не обратил внимания,

так как за последние месяцы, когда и в их деревню начали наезжать немцы, привык уже, но, когда голоса стали слышны отчетливее, насторожился. И так всегда: хоть и не впервые сталкивался с немцами, однако привыкнуть к чужой речи не мог. Что-то неестественное было в этом, непривычное для деревни, где издали узнавался голос того или иного односельчанина.

Поравнявшись с двором, повозка, на которой, кроме возницы, сидели два немца, остановилась. Но, как заметил Игнат, это были не все «гости». По дороге, которая выныривала из-за соседского дома, подтягивались ко двору еще десятка полтора-два вооруженных мужчин, по-видимому, полицейских, так как были одеты вразнобой. Когда они подошли к повозке, двое немцев, сидевших на телеге, спрыгнули с нее и неспешно направились во двор. Долговязый полицейский, который тем временем успел забежать вперед, толкнул ногой калитку, и она, завизжав, с лязгом распахнулась. Но заходить во двор немцы не стали. Заготовили о чем-то своем, а потом тот, что был с автоматом, обращаясь к Игнату, крикнул:

— Фатер, ком цу мир!

Игнат опустил в карман ватника нож, снял с подола и бросил на завалинку ивовые прутья. Опершись ладонью о край скамеечки, тяжело кряхтя, приподнялся. «Цу мир, цу мир, — засверлило в голове. — Знаем мы этот ваш “мир”». Идя навстречу немцам, Игнат вдруг почувствовал что-то неладное.

Рыжий худой, как кочерга, автоматчик, который звал Игната к себе, тем временем достал из-за пояса фляжку и, высоко запрокинув, будто гусак, голову, глотнул. Потом передал фляжку немцу, который стоял рядом. Тот, тоже сделав глоток, вернул емкость обратно, проигнорировав полицейского, который, видимо, тоже был не прочь приложиться к заветному металлическому горлышку.

Игнат подошел, сказав уже заученное «Гуттен так», на что ему никто не ответил. Автоматчик толкнул в бок полицейского, который в одно мгновение вытянулся, словно только и ждал этого толчка, и зычно скомандовал:

— Отец, коня надо напоить! Да скорее шевелись, а то как неживой!

Немцам понравился тон полицейского, и они расхохотались.

Игнат, прихрамывая, вошел в дом и вскоре вынес ведро. Хотел сразу направиться к колодцу, однако, видя, как медленно он движется, второй немец, более низкого роста, с разбитым оспой лицом, выхватил из рук ведро и передал полицейскому:

— Шнель сам! Некогда зитцен!

И тот быстренько засеменил по улице до колодца.

Игнат огляделся вокруг, и только сейчас его взор выхватил двух человек, лежавших на повозке. Лица у них были избиты до крови, руки заломаны назад, по-видимому, связаны веревкой или проволокой — этого Игнат не видел.

Пока полицейский поил коня, Игнат стоял у калитки, не зная, что делать и нужен ли он здесь вообще. Однако спросить об этом не решался, кстати, как и во двор вернуться без команды. А немцы и полицейские на него не обращали внимания — будто и не существовало Игната.

Конь, видимо, допивал воду из ведра — стало слышно, как он прихлебывает. Полицейский, вытащив ведро из-под конской морды, швырнул его к Игнатовым ногам.

Тот согнулся, поднял ведро, но идти во двор по-прежнему не решался. Только когда два немца, Ганс и автоматчик, направились к телеге,

Игнат тоже тронулся с места. Но не успел сделать и двух шагов, как его снова окликнули:

— Эй ты, давай собирайся! С нами поедешь...

Этого Игнат никак не ожидал. «Для чего это, — подумал, — я им понадобился? Может, учуяли, что ко мне ночью партизаны заходили, картошки просили? Но вряд ли... Ведь если бы знали об этом, разговор был бы другой. Долго бы не чикались, сразу под мышки и на воз, рядом с теми двумя. Тогда что? Неужели хотят в полицаи сосватать? Но какой из меня, большого старика, полицай?»

Хотел пожаловаться на немощь свою, попросить, чтобы оставили его, не тащили с собой, однако от неожиданности не мог шевельнуть языком, словно проглотил. Так и стоял между калиткой и повозкой, пока тот, с автоматом, не сказал, указывая на повозку:

— Битте зитцен! — И, обращаясь к полицая, что был за извозчика: — Генуг! Фатер повезет...

Игнат, не очнувшись окончательно, молча вскарабкался на телегу и сел впереди на место, которое уступил ему полицай, взял в руки вожжи.

«А, может, все и хорошо будет, — подумал. — Отвезу их, куда надо, и отпустят. Зачем я им, дряхлый старик? Как пить дать отпустят».

До Коршуновки, где стоял полицейский гарнизон, ехали добрых полтора часа. Наверное, и быстрее добрались бы, если бы гнали коня, но дорога была крепко разбита и особо разогнаться не удавалось. Да и если бы можно было, вряд ли бы попытались, так как отрываться от полицейских, идущих сзади, видимо, было все же рискованно.

Въехав в деревню, сразу завернули на школьный двор. Правда, школьным он был до войны, а когда пришли немцы, здесь обосновались полицайи.

Посреди двора остановились. Двое фашистов из Игнатовой телеги — они, очевидно, были в обозе главными — подались к школьному крыльцу. Длинный, тот который был с автоматом, на ходу скомандовал, указывая на телегу, где лежали связанные:

— Партизанен цу мир!

Трое полицейских подошли к телеге, подняли партизан. Толкая их винтовками в спины, повели в здание школы. Туда же, оставив двух человек на страже, потянулись и почти все остальные полицайи.

Игнат, какое-то мгновение посидев на телеге и не зная, что делать дальше, так как про него все вдруг забыли, неспешно слез и, взяв с телеги охапку сена, бросил коню. Да так и остался стоять, подталкивая ногой сено ближе к лошадиной морде. Сколько так стоял — не осознавал, как и не осознавал, о чем думал. Может, о тех двух, с которыми сейчас неизвестно что делали в школе, или о сыновьях, воюющих где-то на фронте, не подозревая даже, в какую нелепую ситуацию попал их отец.

Очнулся от своих мыслей Игнат, когда где-то за углом школы услышал голоса, в основном женские и детские. А подняв голову, увидел большую группу местных жителей. Рядом заметил и полицаяев, направляющих женщин, детей и стариков (а кто же еще в местечке остался!) в школьный двор. Зачем их сюда сгоняют, понял в тот момент, когда из здания вывели двух расхристанных партизан и повели к школьным воротам — перекладине, на которой полицайи устраивали две виселицы. Охватил ужас — хоть ты сквозь землю провалишься, чтобы ничего этого не видеть и не слышать.

Ольга ТОЛЯРОНОК

УЛЫБАЯСЬ ВЕСНЕ...

Стихи

ПРИГЛАСИТЕ НА ВАЛЬС

Словно в мирное время,
Веселится народ,
И туманом над всеми
Белый танец плывет.
«Пригласите на танго,
Пригласите на вальс!
Вам покажется странным,
Что об этом я вас
Попросил, но поверьте,
Неслучайно прошу:
Вот, повестка в конверте —
Я на фронт ухожу.
Завтра стану солдатом!
Может, сразу — и в бой,
Неизвестно, девчата,
И вернусь ли домой.
Не хочу я о смерти
Думать здесь и сейчас
И об этом конверте.
Пригласите на вальс!»
И мелодия льется,
И разносится звук,
И девчонка смеется,
Уводя парня в круг.
И танцуют по кругу
Под знакомый мотив,
Улыбаясь друг другу,
О войне позабыв.

Анатолий ДЛУССКИЙ

«ДАЙ БОГ, ЧТОБЫ БОЛЬШЕ НИКОГДА...»

Рассказ

Помнится в начале января 2019 года я презентовал в кабинете моего друга, бывшего председателя Республиканского Общественного Объединения «Белая Русь» Геннадия Давыдько, свою новую песню «Он вернулся из боя». Посвятил ее памяти своего деда-фронтовика.

А буквально через несколько недель, 25 января, уже довольно громко и официально была презентована моя авторская программа «Я родился на этой земле». В ее рамках и исполнил эту песню-посвящение.

Кроме того, я поделился со зрителями фрагментами рассказа про своего героического предка. К сожалению, фото моего деда Константина Длусского не сохранилось.

Однако живую память о таких людях можно сохранить и преумножить не только с помощью фотопортретов, а за счет правдивого рассказа об их жизни. В семьях ведь такие истории, как и письма с фронта, обычно хранятся...

Вот мой рассказ о дедушке. Я специально сохранил в нем дедушкину речь, с элементами трясанки — смешением наших языков.

ДЕД-ГЕРОЙ

В детстве мы часто играли в войну с медалями и орденами деда. Их у него было много.

Вообще, сам-то дед не любил рассказывать про войну. У меня было такое впечатление, что они, воевавшие, просто сходили туда, как на работу. Сделали честно свое дело и вернулись домой.

А может (думал я, уже став взрослым), это было так страшно и тяжело одновременно, что не хотелось об этом вспоминать вслух, ворошить свои душевные и телесные раны.

Но я, будучи совсем пацаненком, как-то спросил его:

— Дед! Ну как там, на войне-то было?

Тогда дед прищурил ставшие вдруг задумчивыми глаза и, выдыхая едкий дым из своей неизменной самокрутки, сказал:

— На войне, нунач... як на войне. Но лучше без нее.

И ну дальше курить.

Я опять:

— А сколько ты убил человек?

Дед задумался, как будто считая про себя, и сказал:

— Ни одного.

Потом, правда, добавил:

— Человека — ни одного. А вот фашистской нечисти положил много!

Я же не отставал:

— Дед, ну так Расскажи мне про ту войну.

А он, покуривая:

— Ну, значит, пошел я на войну... воявал... победил фашиста... и вернулся...

И опять за свой табак.

— Дед! — не выдержал я. — У тебя же столько медалей, орденов... Их ведь просто так не дают!

Он хмыкнул и сказал:

— Конечно, не дают. Просто так только сыр в мышеловке бывает, да кошки рождаются.

Но я продолжал его «раскручивать»:

— Так Расскажи, дед, про то, что не просто так, — упрямился я. — Это же так интересно.

Тут дед наконец-то оживился, задумался и начал рассказ, который я и сейчас помню очень хорошо. Вот так я его историю слышу сегодня, с высоты своих далеко уже не детских лет. И вам хочу рассказать от его лица.

Значит, служил я в разведке. Вызывает меня раз командир и говорит: «Надо добыть языка».

Я говорю: «Надо так надо! Добудем!»

И пошел себе.

Шел лесом, а потом взял да вышел прямо на их немецкую полевую кухню. Спрятался за кустом и жду. Тут выходит фриц, да и идет прямо на меня, быстро так. Я смекнул, что идет он до ветру, и изготовился.

— До ветру — это куда? — спрашиваю я тут же деда.

— Ну, до ветру — это облегчиться, — поморщившись из-за того, что его перебивают, говорит дед. — Не сбивай меня с толку, а то ничего больше не скажу.

Так вот, только немец снял штаны, тут я на него и накинулся. Он с перепугу чуть не обо... обомлел. Ну, известное дело, потому что знаяцку все вышло. Не ожидал, значит.

Я ему кляп в рот, связал руки, натянул штаны, чтоб он задницей в ночи не сверкал — и да сваих. Отбежали довольно далеко. Тут рашыл я перадыхнуть. А немец мычить, глаза с испугу на лоб полезли.

Я ему: «Что, немчура, хочешь что-то важное мне сказать?»

А он мычить себе, и в глазах такая мольба. Я кляп достал, а он мне тут же на ломаном таком, но русском: «Не убивай меня, пожалуйста, солдат!»

Я подивился на такое чудо и говорю: «А ты откуда, фриц, так русский знаешь?»

А он в ответ: «Так у меня дед был русский».

Ух как я взорвался тогда: «Ах ты, фашистская твоя морда! У тебя дед русский, а ты, значит, пошел на нас войной, землячок?!»

Только он знай себе умоляет: «Да не хотел я воевать. Я — повар. Работал в ресторане. А генералу, что к нам ходил, нравилось, как я готовлю. Вот и взял меня к себе. Я не хотел на войну... Не хотел воевать... Не убил ни одного вашего. Я очень сильно не хотел на фронт...»

И тут я ему ответил, ух как ответил: «А вот я хотел воевать! Я просился на фронт. Хоть я и швец был. Генералам нашим кителя, значит, шил.

Ирина ЖАЛЕЙКО

СИЛА ЖИЗНИ

Рассказ из цикла «Сказы от деда на ночь»

— А ну, пострелята, марш на печь. И тихо чтоб мне там, — прикрикнул дед на внучат, усаживаясь на лавку. — Покою от вас даже вечером нет.

— Деда, а деда, — заговорил самый старший внучок.

— Чего тебе, непоседа? — проворчал дед.

— Поведай сказ на ночь.

— И чтоб про героев да богатырей, — загомонили детские голоса с печи.

— Все вам про богатырей подавай. Думаете, что сильнее тот, кто мечами махать научился? Али руками подкову может согнуть? Нет. Сила в этой жизни, знаете, у кого есть? — усмехнулся дед.

— У кого, деда? — спросил самый бойкий.

— У того, у кого сердце чистое да любовью наполненное. Так-то, — задумался дед. — Ну, слушайте сказ про великую силу жизни — любовь. Так та история произошла али нет, то не скажу. Но было то в стародавние времена в княжестве Боеслава.

Жил-был князь Боеслав со своей женой Милодарой. И было у них пятеро детей. Первым народился сын Яробор, а за ним и сестрицы его. Младший брат князя Боеслава помер рано, оставив после себя жену-вдову да двух сынов. Старшего звали Волослав, а младшего Братислав. Заместо отца родного им Боеслав и стал. Жили они в княжеском тереме ничем не обделенные. Наравне с княжичем¹ и науку воинскую постигали, и кузнечное ремесло их деда. Братислав и Яробор были однолетки. И они скоро друг с другом сошлись. Все им одна потеха на двоих была. Коли что удумают, так завсегда вместе виноватыми оказыва-

¹ Княжич — молодой сын князя (только у славян), собственного княжения не имеющий.

лись. Волослав был старше их на пять лет и в забавах тех не участвовал. Однако князь частенько его доглядать за этими двумя пострелятами ставил. Тот вздохнет, да делать нечего. Воля то отцовская была, а не княжеская. Шло время, подрастали братья. Уж двенадцать лет² княжицу Яробору с Братиславом минуло. В ту пору все и началось.

На дворе рань была несусветная. В тереме все еще опочивали. Княжич к постели брата тихонько подошел да растолкал.

— Айда за стену града, Братислав, — шепнул Яробор тому на ухо.

— Достанется нам с тобой потом на орехи, — проворчал тот. — Я еще опосля похода в яблоневый сад отойти не могу. Сидеть до сих пор больно. И почто туда полезли? Яблоки ведь еще не поспели, — не унимался Братислав.

— Так не за тем лезли, дурень. Там можно через ограду махнуть да по стене с обратной стороны спуститься, — задорно сказал княжич.

— Сказал, не пойду, значит, не пойду. Отстань чапела³, — махнул на Яробора рукой брат.

— Как знаешь, — нахмурился княжич. — Я один полезу.

Яробор через окно спустился на землю да направился через дворы спящего града в сторону яблоневого сада, а Братислав в постели стал с боку на бок ворочаться. А у самого на душе кошки скребутся. А ну как зашибется на той стене княжич? А помочь-то и некому будет. Так с мрачными думами и лежал. Яробор быстро добежал до сада и пробрался к старой яблоне, что ветками своими раскидистыми упиралась в камни градской стены. А оттуда можно было долезть и до верха. Яробор быстро взобрался на дерево, осмотрелся по сторонам и стал подниматься вверх. Сила в его теле уже была, пусть и мальчуковая. Но не зря он долгие лета и мечами владеть учился, и молотом у наковальни махать. И сейчас легко княжич на стену взбирался, да только непослушные пряди волос его все норовили из хвоста на лоб выбиться да глаза на ветру залепить.

Яробор был зол на Братислава за то, что с ним не пошел, но когда добрался до верха градской стены, позабыл все на свете. Оттуда открывался такой вид, что аж душа его запела, на землю родную глядячи. Река плавно несла свои воды мимо града. Лес шумел летней листвой. Стрижи кричали в небе. Солнце только-только поднялось над горизонтом, и луга утопали еще в дымке утреннего тумана. А какой был воздух. Княжич вдохнул его полной грудью и заулыбался. Устроившись поудобнее на стене, достал краюху хлеба из-за пазухи и стал кушать, оглядывая все вокруг.

Через поле от града заметил княжич небольшой двухэтажный терем, что на окраине леса стоял да крышей над деревьями возвышался. Красивый, резной. Недолго думая, Яробор спрятал оставшуюся краюху за пазуху и стал спускаться со стены. Спустя некоторое время он соскочил в траву и зашагал к тому дому. Роса вымочила его сапоги, солнце стало припекать, разгоняя утренний туман.

² Лета (старослав.) — по-современному Год. Раньше наши предки праздновали Новолетие, Летопровождение, Начатие нового Лета. Отсюда и слова: ЛЕТОпись, ЛЕТОисчисление, пять ЛЕТ, шесть ЛЕТ и т. п. 20 декабря 1699 года царем Петром I был издан указ: «...теперь народы согласно Лета свои счисляют от Рождества Христова (РХ) в восьмой день спустя, то есть, января с 1 числа, а не от создания мира...» И на 1 января 1700 года от РХ (или 7209 от СМЗХ) Петр I велел фейерверки запускать каждый год в это время. И даты в документах писать от Рождества Христова. Так был введен на Руси Юлианский календарь.

³ Чапела или чапельник (сковородник) — кухонная принадлежность. Представляет собой крюк с упором на деревянном черенке, предназначенный для захватывания чапелы — сковороды, не имеющей ручки и потому пригодной для установки в печь или духовку.

Роза СТАНКЕВИЧ

Лепестки «золотой розы» Ивана Науменко

В начале моего научно-исследовательского пути стоит фигура могучего белорусского зубра Ивана Яковлевича Науменко — выдающегося белорусского ученого, доктора филологических наук, профессора. Академик Национальной академии наук Беларуси, заслуженный деятель науки БССР, вице-президент АН БССР, депутат Верховного Совета БССР, Председатель Верховного Совета БССР. Народный писатель Беларуси, автор более 80 произведений. Участник Великой Отечественной войны и партизанского движения в Беларуси. Опубликовал около 200 научных работ, в том числе 10 монографий. Кажется, предостаточно для одной человеческой жизни, наполненной интересной, творческой работой. Но это далеко не

все, список можно продолжать... Человек старой закалки, представитель поколения, пришедшего с фронта, Иван Науменко — один из тех талантливых представителей белорусской литературы, которые в последние полстолетия определили ее лицо.

Я работала в Литературном музее Янки Купалы и начинала писать диссертацию «Янка Купала и Болгария», когда судьба свела меня с будущим научным руководителем. В то время профессор Иван Науменко был директором Литературного института АН БССР и уже руководил работой одной аспирантки из Болгарии — Румяны Евтимовой.

Отношение Ивана Яковлевича к Болгарии и болгарам особое: «С Шипки начинается история моего рода», — делился он. Прадед Иван Науменко, род которого продолжает академик Иван Яковлевич, был в составе белорусского полка во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. — одного из наиболее значительных событий европейской истории второй половины XIX в. Война закончилась освобождением Болгарии от османского ига. Прадед Ивана Яковлевича сражался на балканском перевале Шипка. Правда, известно о прадеде мало. За свою храбрость был награжден орденом и десятью гектарами земли. Так, через Шипку, род Науменко оказался на Полесье. Мать писателя

помнила только деда, а сам Иван Яковлевич вспоминал, что после коллективизации в 1920-х гг. из тех десяти гектаров земли осталась только половина, а род Науменко множился, делились братья и сестры... В родном Полесье, где появился на свет будущий писатель, — истоки его творчества, вся его духовная сущность.

Книги Науменко раскрыли передо мной неповторимый мир белорусской поэтики, научили понимать и любить ее. Я чувствую себя ученицей Ивана Яковлевича в сфере литературоведения, поэтому позволю опираться на его труды и часто цитировать их.

Он был тем человеком, который вдохновил меня работать. «Кроў з носа, але зрабіць!» — как любил говорить своим аспирантам. Хотя я была просто соискателем, мне он не давал такого рода советов, но для меня этот призыв все же стал очень актуальным. Для того чтобы работать над диссертацией после восьмичасовой работы в музее, нужна была дополнительная мотивация, еще что-то.

И это появилось неожиданно, при первой же встрече с руководителем — жест его руки, стремительно поднимающей непокорные волосы со лба... Этот жест напоминал мне первую и вечную любовь юности. Возродил непогасшие чувства, дал новое дыхание души. Этот жест, отголосок далекой Родины и первой любви, очаровал и покориł меня. Невозможно было не влюбиться. Я влюбилась! И весь мир узнал об этом прежде, чем я сама.

Вероятно, я нарушила вторую из десяти заповедей Божьих: «Не делай себе кумира...»

Человеку, который живет далеко от Родины, нужно за что-то «зацепиться», найти отдушину, чтобы не утонуть в ностальгии — наверное, самом сильном чувстве после материнства. Нужно создать себе маленький остров Надежды.

Не как
женщина мужчину.
Не как
девушка принца своего.

Как изгнанник —
Родину.
Как верующий —
Бога...

В одном из своих эссе Томас Манн пишет: «Для того чтобы создать хорошую книгу, надо чтобы она долго жила в сознании писателя, долго хранилась в его памяти и была связана с самыми ранними воспоминаниями детства».

Всякое серьезное творчество в основе своей автобиографично. Истинное произведение искусства требует от автора использования опыта его собственной жизни, ибо искусство вообще (по Льву Толстому) — это обязательно и всегда воспоминание.

В своей основе творчество белорусского писателя Ивана Науменко автобиографичное: это признано всеми, кто о нем писал. Это воспоминание: по настроению, по тональности, по архитектонике, основанной на законах человеческой памяти.

Писатель и время: как слово белорусское отзовется?..

Интервью с председателем Союза писателей Беларуси Алесем Карлюкевичем

Международный симпозиум литераторов «Писатель и время» ежегодно проводится в Минске с 2015 года. Симпозиум — часть программы авторитетной для всего постсоветского пространства Минской международной книжной выставки-ярмарки. О том, как прошел «Писатель и время» в 2025 году, и не только о симпозиуме мы поговорили с руководителем писательской организации нашей страны Алесем Карлюкевичем.

— Алесь Николаевич, Союз писателей Беларуси, председателем которого вы являетесь, — один из организаторов международного симпозиума литераторов. Давайте подведем первые итоги. Все ли получилось из задуманного? Можно ли назвать эту встречу еще одним шагом к сближению творческих людей Содружества? Возможно, в ходе дискуссий открылись новые аспекты, которые станут актуальными темами будущих обсуждений?

— Во-первых, хотел бы отметить, что во многом симпозиум получил-ся благодаря поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ. Для этого проекта такое внимание является важным и ощутимым. Симпозиум, учредителями которого являются Министерство информации Беларуси и наш писательский Союз, который проводится при поддержке государственных издательств страны («Мастацкая літаратура», «Беларусь», Издательский дом «Звезда»), стал для Беларуси и стран Содружества Независимых Государств доброй традицией. Это не просто площадка для сближения творческих людей, это постоянно действующий центр развития международных литературных, гуманитарных связей. Я не буду пересказывать содержание дискуссий нынешнего года. Каждый из участников старался доказать, что писатели не зря работают, что у художественного слова есть шанс остаться ресурсом для воспитания общества, есть шанс повлиять на обустройство мироздания...

Начиная с первого симпозиума, все его участники привносят в пространство национальных литератур разные инициативы, выстраивают переводческие связи, делают свои литературы ближе для других народов и стран. В нынешнем году народный поэт Чувашии Валерий Тургай привез в Минск книгу лауреата Государственной премии Республики Беларусь Миколы Метлицкого «Белым цветом усеянный сад» в своем переводе на чувашский язык. Это не первое обращение Тургая к белорусской литературе. Он выпустил в Чебоксарах антологию белорусской поэзии, сейчас готовит второе ее издание, сборник «Сонеты» Янки Купалы на чувашском языке. Кстати, мы в Минске не так давно издали купаловские сонеты на языках народов мира. Среди переводчиков — и участники симпозиума «Писатель и время», которые приезжали в Беларусь в разные годы. Примеров такого плана достаточно много.

Во власти звуков

Интервью с композитором Вячеславом Кузнецовым

Белорусский композитор Вячеслав Кузнецов родился в Вене — самом музыкальном городе Европы, с которым связаны судьбы таких гениев, как Моцарт, Брамс, Бетховен, Шуберт, Штраус. Кто знает, возможно, это каким-то мистическим образом и предопределило его судьбу...

О музыке, тайнах ее рождения, творческих кризисах и о том, почему не стоит учить студентов на своем примере, мы побеседовали с заслуженным деятелем искусств Беларуси, лауреатом Государственной премии РБ, профессором кафедры оркестрового дирижирования и инструментовки Белорусской государственной академии музыки Вячеславом Кузнецовым.

— Вячеслав Владимирович, как получилось, что вы родились в мировой столице вальсов?

— Мой отец был артиллеристом, прошел всю войну. Когда она окончилась, остался служить в Венском гарнизоне. Вскоре после моего рождения советские войска вывели из Австрии. Так что ранних воспоминаний о Вене у меня не осталось — был еще слишком мал. В Вене я побывал уже взрослым. С волнением ходил по этому красивейшему, сказочному городу, в котором возникает ощущение, что все приехали на бал.

— А когда и почему вы все-таки приобщились к музыке?

— В детстве очень любил играть в футбол и не горел желанием посещать музыкальную школу. Но мама настояла, и я оказался в классе по фортепиано. Аппетит пришел, что называется, во время игры. В музыкальное училище, а после службы в армии поступал в консерваторию уже вполне осознанно.

— Вы — ученик народного артиста СССР и Беларуси Евгения Глебова. За какие уроки прежде всего благодарны ему?

— Евгений Александрович сам был необыкновенно ярким композитором и учил не бояться публичности: высказывать свое профессиональное суждение, быть готовым услышать разные, не всегда лестные, оценки

собственного творчества со стороны коллег, музыковедов, исполнителей, дирижеров, публики. Помимо Глебова с большой благодарностью вспоминаю композиторов, народных артистов БССР Анатолия Васильевича Богатырева и Владимира Владимировича Оловникова.

— **Чему стараетесь учить своих студентов сегодня вы?**

— Прежде всего — композиторскому ремеслу, технике, каким-то профессиональным таинствам. Напоминаю им о важности изучения выдающихся партитур. А еще предостерегаю от опасности подражания наставникам. Убежден: нельзя учить других на примере своего творчества. Слишком велик риск вырастить подражателей, а не самостоятельных личностей со своим почерком и лицом.

— **Вячеслав Владимирович, часто ли музыку вам диктовало вдохновение или, как правило, мелодии — результат регулярного труда?**

— Не стал бы отрицать роль вдохновения как стимула к творчеству. Не однажды в моей жизни встречи, воспоминания, прочитанные книги, стихи, созерцание природы становились эмоциональным толчком, который рождал музыкальные идеи. Но если поступает заказ и нужно уложиться в сроки, ждать визита музы, конечно, не приходится. Сядишь, работаешь, заводишься и нередко остаешься доволен результатом. Почти все мои сценические произведения — заказные. Скажем, тема балета «Витовт» оказалась мне очень близка. Окунулся в историю, по-настоящему увлекся.

— **Что самое сложное для вас в творческом процессе?**

— Найти музыкальные идеи. Воплощать их в оркестровое исполнение — это уже дело техники. При написании музыки к балету «Анастасия», например, важно было музыкальными средствами выразить эволюцию героини, показать, как, преодолевая невзгоды, горести, унижения, формируется сильная личность, способная повести за собой народ, одержать победу.

Не все удалось сразу. Но когда я увидел спектакль, то понял, что коллективный труд увенчался успехом. В исполнении народной артистки Беларуси Ирины Еромкиной образ Анастасии получился живым, убедительным, — она обогатила его эмоциями, и он вызвал отклик у современников в зале. В ее танце чувствовалась женская воля, способная вынести огромные испытания.

— **У вас достаточно много музыки, написанной на основе литературных произведений, в том числе Владимира Набокова, Николая Гоголя, Уильяма Шекспира. По какому принципу вы выбираете?**

— Для меня очень важна гармония, «музыка» литературного текста. Николай Гоголь и Владимир Набоков — не похожие друг на друга авторы, но оба очень музыкальны. Те же «Записки сумасшедшего» Гоголя — фантаσμαгория, невероятное сочетание трагического и смешного!

— **Многие ваши оперы так и не были поставлены. Дистанция между партитурой и сценой — огромна?**

— Из пяти моих опер только «Записки сумасшедшего» дошли до сцены и, увы, продержались недолго. Непросто совместить запросы театра и композиторские интересы. Для спектаклей, чтобы привлечь зрителя, важны динамика, страсти, борьба. Меня порой увлекают иные идеи. В свое время задумывался об опере «Бесы» по Достоевскому. До сих пор не реализовал этот замысел — очевидно, что шансы на постановку мизерны.

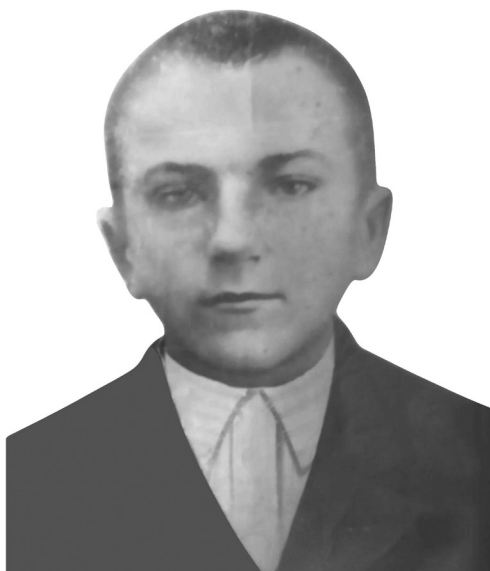

Валерий МАКСИМОВИЧ

Страшные дни войны: свидетельствуют очевидцы

Свидетельства о военных событиях, происходивших вблизи местности, где я родился, оставили глубокий след в моей памяти. В 1970-е годы еще жили многие, кто на себе испытал все ужасы войны. Мои земляки сражались в партизанских отрядах, воевали на фронте, а кому-то довелось жить при оккупационной власти. Помню, в нашей хате вечерами собирались соседи и тогда начинались тяжелые воспоминания о пережитом времени. Перед моими глазами и сейчас стоят страшные картины, о которых рассказывали очевидцы военных событий. Это были настолько живые, эмоционально прочувствованные эпизоды, что они глубоко западали в детскую память, в самое сердце, заставляли нас, ребят, глубоко переживать драматические и трагические события военного лихолетья, те ужасные испытания, которые легли на плечи наших родных и близких, сражавшихся за Родину, не щадя своих жизней. Мы словно сами становились участниками тех горестных дней, вместе с рассказчиками окунались в неимоверно страшное, жестокое, кровопролитное время, проникались той же болью, ни с чем не сравнимым чувством сострадания к своим односельчанам и тем, кому не удалось остаться в живых, кого забрала ненавистная война.

Так близко к сердцу эти воспоминания я принимал еще и по той причине, что, по рассказам моих родственников, при защите Москвы от немецко-фашистских захватчиков погиб мой родной дядя Волох Дмитрий Антонович. Он был призван в Красную армию в 1941 году, служил в г. п. Каракуртан (Узбекистан). Как он писал в письме к своей матери, он учился на краткосрочных лейтенантских курсах, после окончания которых вместе с другими сослуживцами был отправлен на оборону Москвы. К сожалению, он пропал без вести. Был награжден медалью «За отвагу», о чем есть упоминание в историко-документальной хронике «Памяць: Лагойскі раён»¹.

Довоенная фотография Дмитрия Волоха

¹ Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Лагойскага раёна: У 2 кн. Кн.1 / Рэд. Кал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; Маст. Э. Э. Жакевіч. — Мн. : БелЭн, 2003.

Андрей СУХАРЕВ

«Хочешь жить для себя — живи для других...»

Одним из первых проявлений альтруизма является заповедь Бога в книге Левит Ветхого Завета: «...Не дожинай до края поля твоего, когда жнешь, и оставшегося от жатвы твоей не подбирай; бедному и пришельцу оставь это». Иисус Христос изрек: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:37—40).

На древнеегипетских гробницах нередко обнаруживались тексты следующего содержания: «Я никого не убивал, не издевался над стариком, не огорчал отца, ублажал мать, делился хлебом с голодным, освобождал слабого от сильного в пределах своих возможностей, делал полезное правителю и говорил ему истину, не обижал вдовы, давал лодку для переправы на другой берег Нила. Потом я умер».

Древнекитайский мыслитель и философ Конфуций (551—479 гг. до н. э.) впервые сформулировал «золотое» правило нравственности: «Уважать всякого человека, как самого себя, и поступать с ним, как мы желаем, чтобы с нами поступали, — выше этого нет ничего».

Один из учеников как-то спросил Конфуция:

— Можно ли всю жизнь руководствоваться одним словом?

— Это слово — взаимность, — ответил Конфуций.

Современники знаменитого древнегреческого философа Сократа (469 — 399 гг. до н. э.) отмечали его такие черты характера, как решительность, отвага, скромность, независимость от богатства и власти. Значительную часть своей жизни он посвятил философствованию и, обращаясь к «власть имущим», говорил: «О лучший из мужей гражданин города Афин... не стыдно ли тебе, что ты заботишься о деньгах, чтобы их у тебя было как можно больше, о славе и о почестях, а о разумности, об истине и о душе своей, чтобы она была как можно лучше, не заботишься и не помышляешь?» Позже Сократу было предъявлено обвинение в непризнании богов и развращении молодежи. Подлинной же причиной являлось то, что он, как неутомимый искатель истинного знания и абсолютной справедливости, часто вступал в конфликты и с демократами, и со сторонниками диктаторов. При этом он был неопытен в соблюдении формальностей и не участвовал в политических интригах. На судебном процессе Сократ держался независимо и проявлял иронию по отношению к судьям и присяжным. Из 501 присяжных за его оправдание проголосовал 221 человек. Ему не хватило всего тридцати голосов, так как для оправдания надо было иметь минимум 251 голос. Афинский суд приговорил Сократа к смертной казни. После вынесения приговора к нему подошел один из учеников и сочувственно сказал:

— Мне особенно тяжело, Сократ, что ты приговорен к смертной казни несправедливо.

— А тебе приятнее было бы видеть, что я приговорен справедливо? — ответил Сократ.

До казни многочисленные друзья и ученики предлагали ему организовать побег. Но он не согласился, мотивируя свое решение тем, что лучше мужественно умереть, чем спастись трусливым бегством. Через тридцать дней после вынесения приговора Сократ в окружении своих учеников спокойно выпил чашу цикуты (яд) и сказал:

— Ну вот уже время идти отсюда, мне — чтобы умереть, вам — чтобы жить, а кто из нас идет на лучшее, это ни для кого не ясно, кроме Бога.

Свою оценку соотношения нравственности и научного знания дал Аристотель: «Кто двигается вперед в знании, но отстает в нравственности, тот более идет назад, чем вперед».

Великий французский просветитель, философ и романист Жан-Жак Руссо (1712—1778) донес до нас некоторые яркие примеры альтруистического поведения граждан Древней Греции, свободных от эгоизма. В то время Спартой управлял Совет старейшин, куда избирались наиболее достойные граждане. На очередные выборы была выдвинута кандидатура известного лакедемонянина Педарета, и когда он узнал, что не прошел в число 300 лучших воинов, то радостно воскликнул:

— Как я счастлив, что в моей стране есть еще триста человек, которые лучше меня!

Еще один пример. Лакедемонянка отправила на войну пятерых своих сыновей. Через некоторое время она посылает раба узнать о ходе боевых действий. Когда раб принес весть, что все ее пятеро сыновей погибли, она с возмущением воскликнула:

— О бесчестный раб, разве я об этом спрашивала?! Кто победил: мы или они?

Раб ответил:

— Мы победили!

И обрадованная лакедемонянка бежит в храм, чтобы возблагодарить Бога.

Еще в древности среди мыслителей культивировалось мнение: следование добродетели открывает путь к счастью. Так римский философ Луций Анней Сенека (65 г. от Рождества Христова) подчеркивал: «Человек, который думает только о себе и ищет во всем своей выгоды, не может быть счастлив. Хочешь жить для себя, живи для других».

Впервые термин «альтруизм» ввел в обиход французский социолог и философ Огюст Конт (1798—1857), под которым он понимал оппозицию эгоизму и придавал смысл «живи для других» словами: «Поступай так, чтобы твой личный интерес служил чужому интересу».

Русскому философу Николаю Александровичу Бердяеву (1874—1948) принадлежит мысль о том, что «переживая агонию, человек хочет знать, кто он, откуда он пришел, куда идет и для чего предназначен». Имеется множество подходов к пониманию сущности человека. Существуют некие постоянные комплексы неизменных качеств, которые свойственны человеку во все времена. При этом духовность является одной из

основополагающих характеристик. Особенностью альтруизма является его связь с духовностью, которая предполагает проявление высших духовных ценностей: добра, идеалов, любви, эмпатии, осознания смысла жизни.

Видный русский, американский социолог Питирим Александрович Сорокин (1889—1968) разработал оригинальную теорию созидательного альтруизма. П. А. Сорокин пришел к выводу о необходимости разработки общечеловеческой тенденции распространения альтруистического поведения. При этом ее следует ориентировать не на какую-то определенную социальную группу, а на человечество в целом. С этой целью по его инициативе в 1949 году был открыт Гарвардский центр по изучению созидательного альтруизма.

Решение данной проблемы, по мнению Сорокина, следует начать с интенсификации альтруистического поведения каждого человека, а затем перейти на малые группы и далее. При этом необходимо задействовать все компоненты психики человека: бессознательное, подсознательное и сверхсознательное. Сверхсознание проявляется в интуиции и, по его мнению, связано со сферами истины, добра, красоты. Свидетельством существования сверхсознания служит опыт деятельности великих писателей, художников, композиторов, ученых, религиозных и политических деятелей.

Итоговая цель созидательного альтруизма — единое солидарное человечество по аналогии с организмом, где все элементы функционируют гармонично. Питирим Сорокин считает, что реализации универсальной альтруизации общества препятствует система современных государств. По его убеждению, зачастую власть имеет тенденцию к нарушению законов, коррупции, аморальности. Причем такие негативные устремления свойственны не только для автократий, но и для демократических режимов, где они проявляются в более разряженном виде.

Интересны и пансофические идеи средневекового чешского философа и педагога Яна Амоса Коменского (1592—1670). Коменский обосновал движение — пансофия (от греч. «мудрость»), направленное на создание универсальных знаний, их обобщение и донесение через школу до всех людей, независимо от общественной, расовой, религиозной принадлежности. По его мнению, пансофические универсальные знания будут способствовать устранению препятствий во взаимопонимании между народами, что позволит предотвратить конфликты, распри, войны.

Коменский говорил: «Что значит быть мудрым? Это значит знать различие вещей, всюду предпочитать доброе злему, лучшее менее хорошему. Показателем мудрости является справедливость и нравственные качества (добродетель). Возраст не является показателем мудрости, можно быть достаточно мудрым в 20 лет и совершенно бездарным в зрелые годы».

Коменский также использовал народное изречение: «Кто успевает в науках, но отстает в добрых нравах, тот больше отстает, чем успевает».

Ян Коменский писал: «Удовлетворение, получаемое от самого себя, представляет то величайшее наслаждение, которое испытывает

человек, отдавший добродетели, радуясь своему внутреннему доброму расположению... Чистая совесть — непрерывный пир».

В советские годы существовала огромная вера в силу науки и, соответственно, уверенность в нравственной устойчивости автоматически переводилась на личность ученого. В тот период проводились многочисленные дискуссии на тему: «Что важнее: ученость или нравственность?» Оказывается, ответ был дан еще в XVII веке Яном Коменским: «Ученость без добродетели все равно, что золотое кольцо в носу у свиньи».

Пансофия Я. А. Коменского позволяет дать оценку продвижению человека по пути социального прогресса, достижения всеобщей мудрости. Так, позитивным, например, являются достижения современной медицины, которые позволили значительно увеличить среднюю продолжительность жизни человека. Однако если учесть ускоренный темп жизни и вообще ускорение времени из-за научно-технического прогресса и всеобщей компьютеризации, то окажется, что эти достижения нивелируются, сглаживаются. Современный человек проживает жизнь быстрее. Высокие скорости в жизнедеятельности человека привели к широкому распространению психических заболеваний. Сегодня они, по данным ВОЗ, вышли на первое место в мире. Еврокомиссия в «Зеленой книге» опубликовала данные о том, что ежегодно происходит 58 тысяч самоубийств.

В гуманитарном плане мировой порядок в наше время испытывает угрозы и потрясения: постоянно происходят вооруженные конфликты, присутствует диссонанс и разлад в межконфессиональном движении, существует постоянная угроза ядерной войны, человечество не решило проблему предотвращения экологической катастрофы земного масштаба. Наивное (возможно) человечество все больше добровольно отдает себя в «цепкие лапки» научно-технического прогресса. Примером может служить безграничные и одновременно туманные перспективы использования искусственного интеллекта. Эти процессы говорят о том, что образование и воспитание пока не смогли выполнить функцию формирования мудрых людей. Похоже, человечество может повторить ошибки предыдущих, исчезнувших цивилизаций.

Установлено, что наибольшую склонность к альтруистическому поведению проявляют личности способные к самостоятельному принятию решений, высокоэмоциональные и эмпатийные. С позиции настроения к альтруистическим поступкам больше устремлены счастливые люди, испытывающие чувство любви. К долговременной помощи наиболее склонны истинно религиозные люди. Причем проявление истинного альтруизма здесь возможно только при условии, что данная религия не претендует на исключительность, не призывает к борьбе против атеистов или инакомыслящих.

Один из самых масштабных социальных экспериментов, осуществленных физическим лицом за собственные средства, был проведен знаменитым английским социалистом-утопистом Робертом Оуэном (1771—1858). Во времена промышленной революции в Великобритании (конец XVIII — середина XIX вв.). Все началось с того, что в конце XVIII века

изобретатель Эдмунд Картрайт создал новый ткацкий станок, который увеличил производительность в 40 раз, то есть произошла замена работы человека механизмом. Стали массово открываться современные фабрики. Многочисленные ремесленнические производства, занимающиеся ручным трудом, вынуждены были закрываться.

Роберт Оуэн был из небогатой семьи, но благодаря образованию и большой целеустремленности сумел добиться успехов в организации производственной деятельности в новых условиях. Со временем он вместе с партнерами приобрел в поселке Нью-Ланарке четыре крупные хлопкопрядильные фабрики. На них работало около двух тысяч человек. Фабрики приносили владельцам хороший доход. Однако среди рабочих в городе процветало пьянство и хулиганство, важной причиной которых была бесперспективность. Оуэна, как гражданина с гуманистическими принципами, интересовал не только доход, но и неудовлетворительные условия проживания и труда рабочих. Он считал, что характер человека формируется не им самим, а обстоятельствами, то есть окружающей социальной и экономической средой. Также Оуэн выдвинул концепцию кооперации или сотрудничества, направленную на преодоление ложных представлений трудящихся о том, что в их бедах, мол, виновны их собратья по труду в силу конкуренции на рабочие места и проявление взаимной враждебности. Он был убежден в необходимости организации справедливого и нравственного порядка в обществе на принципах сотрудничества и единения.

Роберт Оуэн решительно взялся за преобразование социальной среды рабочих: открыл недорогие магазины с продовольственными и хозяйственными товарами, стал строить для рабочих доступные квартиры и небольшие коттеджи под небольшие проценты. Навел порядок на фабриках: в цехах стояли цветы, играла живая музыка. Отменил штрафы, внедрил систему морального стимулирования труда: теперь возле каждого рабочего места висел деревянный кубик, окрашенный в четыре цвета (красный, зеленый, синий, черный). В конце смены мастер поворачивал кубик определенной гранью и тем самым определял результативность труда каждого рабочего.

На производстве в Нью-Ланарке Оуэн запретил труд детей до 10 лет, сократил рабочий день до 10 часов, 45 минут. Это было неслыханным достижением, так как на других предприятиях в Англии трудились дети от 5 до 10 лет наравне со взрослыми по 14—16 часов в день.

На свои личные средства Роберт Оуэн создал в Нью-Ланарке комплексное учебно-воспитательное учреждение «Новый институт для формирования характера», который включал в себя: начальную школу для детей до 10 лет, вечерние классы для работающих на фабрике подростков, вечернюю школу для взрослых безграмотных рабочих. Также он придумал и открыл первые в мире ясли-сад, куда работающие матери могли отдать своих малолетних детей под опеку опытных воспитателей. Всего институт занимался обучением и воспитанием около 800 человек от 1 года до 25 лет.

Для работы в институте из Европы были приглашены учителя, владеющие современными образовательными методиками. Многие занятия

проводились на свежем воздухе. Наряду с обычными предметами, дети занимались музыкой и физическими упражнениями. Стены учреждения были расписаны изображениями исторических событий, флоры и фауны различных частей света.

Результаты своих поисков Роберт Оуэн изложил в книге «Новый взгляд на общество, или Опыты об образовании человеческого характера». Его деятельность приобрела широкий общественный резонанс. Производство и институт в Нью-Ланарке стали посещать многие его современники, наслышанные о коммерческих успехах и благополучии рабочих. Посетители отмечали значительные изменения в лучшую сторону относительно образа жизни рабочих: у них теперь появилась перспектива в жизни, их дети обрели реальную возможность в получении полноценного образования, почти полностью исчезли пьянство и хулиганство, полиция стала невостребованной. Нью-Ланарк посетил российский великий князь Николай Павлович, будущий император Николай I. Удивленный успехами Роберта Оуэна, зная о бедствиях рабочих в других регионах Англии, он предложил ему взять с собой два миллиона человек и переселиться в Россию. Однако Оуэн отказался.

Получив замечательные результаты, Роберт Оуэн задумался о расширении социального эксперимента и начинал прорабатывать возможность создания ассоциаций или колоний для безработных на коммунистических началах. В правительстве его идеи не поддержали и даже начали считать его опасным мечтателем, особенно когда он затеял борьбу с религией. Разочарованный, он вместе с сыновьями уезжает в Америку и в 1825 году покупает там большой участок земли в 30 тысяч акров в штате Индиана. Здесь он основывает коммунистическую производительную общину «Новая гармония». Устав коммуны базировался на принципах уравнительного коммунизма. В коммуне были созданы многие виды (департаменты) производств с самым современным оборудованием. В коммуну съезжались люди из разных стран и мест, многие из которых были легкие на подъем. Не обошлось и без личностей с авантюристическими наклонностями.

Первое время коммуна «Новая гармония» функционировала успешно и вселяла оптимизм. Однако постепенно в деятельности коммуны все больше стали проявляться сбои по двум основным причинам. Первая — природа человека: часть работников продолжала трудиться добросовестно, руководствуясь альтруистическими помыслами, другая же часть стала отлынивать. Вторая причина связана с возникновением разногласий на конфессиональной основе. Оуэн был вынужден расформировать коммуну. Его попытка построить трудовое сообщество на коммунистических началах и на пересоздании сознания людей окончилась провалом. Оуэн приходит к выводу о том, что общество пока не готово жить и трудиться на общее благо, руководствуясь коммунистическими принципами. Он вложил в данное предприятие 40 тысяч стерлингов, огромную сумму по тем временам. В 1829 году Роберт Оуэн возвращается на родину и до конца жизни ведет весьма скромный образ жизни.

Важным проявлением альтруизма у белорусов является бескорыстная забота крестьянства о нищих. Выдающийся витебский этнограф

и краевед Николай Яковлевич Никифоровский (1845—1910) в своих очерках ярко описал особенности оказания помощи нищим людям на Витебщине или, как он писал, в Витебской Белоруссии в XVIII—XIX вв. Нищенство, как язва классового общества, существовало на витебских землях до крепостного права и после его отмены. Ценность традиции поддержки нищих обуславливалась еще и тем, что сами крестьяне в своем большинстве находились в весьма затруднительном материальном положении. Редко, даже в урожайные годы, они могли обеспечить себя хлебом на целый год. Исследователь Е. Ф. Карский с горечью отмечал: «Гора мужыкова — ні разачку ён не наесца досыць хлеба з бярозавікам», так как к весне, когда появлялся березовый сок, хлеб у крестьян уже съедался.

Нищих на витебских землях называли старцами, независимо от их возраста. Среди старцев могли быть и дети, и юноши. Старцев делили на два вида — случайные (сезонные) и постоянные. Случайные старцы начинают обходы деревень и местечек обычно с Филипповок (Филиппов пост). С наступлением теплых дней и началом полевых работ они исчезали. В числе сезонных старцев значительное количество составляли довольно зажиточные крестьяне, желающие повысить материальный достаток не совсем честным образом. Случайным старцам еду подавали на лавке возле порога. На дорогу давали кусок хлеба, а сиротам еще старую одежку и обувь. Часть случайных и постоянных нищих притягивали значимые церковные праздники, например, храмовый праздник Ефросиньевского монастыря в Полоцке. Также много нищих собиралось в урочище Боровка на богослужениях, посвященных местной чудотворной иконе. Здесь часто присутствовало до пяти тысяч крестьян и, соответственно, нищие могли получать неплохой прибыток. Из кирмашей наибольшей известностью пользовались Любавицкий и Кутенский в Оршанском уезде, Юровичский в Полоцком уезде, Петропавловский в Бешенковичах, ярмарка в Яновичах и др.

Среди постоянных старцев выделяли «хожалых» и «притомных». У первых нищенство было образом жизни, вторые в силу болезней и старческой беспомощности проживали в сельских богодельнях. Постоянные старцы обычно обходили одни и те же деревни и хаты, где их знали. Зайдя в хату, они зачастую пели «старецкие спевы». После отдыха хозяева просили «своего» старца осуществить поминальную молитву за почивших сородичей, а также помолиться за урожай, приплод скота. Постоянных старцев обычно одаривали более щедро: продукты питания, кусок холста, небольшие деньги. Н. Я. Никифоровский отмечал, что постоянные старцы сторонятся церквей, домов панов, сельских священников, служащих, отдавая предпочтение мужицким домам. В качестве постоянных старцев было совсем мало людей здоровых, пригодных к физическому труду. В основном они отличались слепотой, умственными и другими физическими недостатками. Представляют интерес сведения о том, что нищими могли быть обедневшие представители шляхты, духовенства, безземельные чиновники.

Особое сочувствие у населения вызывали юродивые за их настоящую бескорыстность. Они зачастую сами раздавали полученное

подавание другим нищим. Белорусы стремились предоставить юродивым теплое место на печи, стирали и чинили их одежду и вообще старались подольше продержат их в своем доме.

По единодушному мнению исследователей, наибольший нравственный и скромный облик имели нищие из старообрядцев. Они были немногословны, при входе в хату снимали шапки и использовали не более двух молитв, держались больше поодиночке. Сумку для сбора подаяний держали под скромной, но чистой одеждой.

Противоположностью староверам были нищие под названием «грязные оборванцы», для которых свойственна нравственная испорченность: пьянство, грубость, наглость. Они появлялись на ярмарках и праздниках. В основном это были отставные солдаты, бывшие дворовые, то есть лакеи, бобыли и др.

В современном мире превалируют материальные ценности. В этой связи известный социолог и психоаналитик Эрих Фромм (1900—1980) подчеркивал, что альтруизм в значительной степени подавляется рыночными отношениями. Также установлено негативное влияние коррупции на развитие в обществе благотворительной деятельности. Сегодня на Западе выведен порог счастья — 75 тысяч долларов в год. Установилась общемировая тенденция к увеличению материального потребления, несмотря на сокращающиеся природные ресурсы Земли, возросла международная конкуренция за обладание водными, ископаемыми, логистическими и другими ресурсами.

Многие ученые считают, что основной причиной затянувшегося кризиса в мире является эгоизм мышления технократического общества. Этот путь является тупиковым. В этой связи известный итальянский дирижер и художественный руководитель театра «Ла Скала» Риккардо Мути с грустью отмечает: «После того, как симфонический оркестр сегодня стоит меньше одного футболиста, какое наследие мы ожидаем оставить нашим детям? Культура существует не для получения прибыли, а для воспитания. Если это не изменится, то в будущих поколениях станут преобладать поверхностные и очень опасные люди».

В свое время известный русский философ и правовед Иван Александрович Ильин (1883—1954) предупреждал научно-педагогическую общественность о недопустимости образования вне нравственного воспитания и культуры: «Образование без культуры есть дело ложное и опасное, ибо оно создает людей самомнительных и заносчивых, напористых и беззастенчивых карьеристов». Примером педагогического альтруизма может служить воспитательная деятельность великих советских педагогов А. С. Макаренко и В. А. Сухомлинского.

Далай-лама во время духовных учений в Риге (2018) сказал, что счастье для любого человека — это не осуществление желаний, а покой ума, которого можно достичь, проявляя сострадание и альтруизм.

Безусловно в мировой практике мы найдем множество ярких примеров истинно альтруистического поведения. Например, Чарльз Фини — основатель системы Duty Free, ирландец. Накопил 7,5 миллиардов долларов. Шесть из них отдал на благотворительность. Ему 90 лет. Не имеет автомобиля. Не посещает рестораны, а ест в дешевых закусочных.

КУПРИЯНЕЦ Татьяна Александровна. Родилась в 1993 году в Минске. Окончила физический факультет Белорусского государственного университета. Поэт. Лауреат ряда республиканских и международных литературных премий и конкурсов. Автор сборников поэзии «Отзвуки памяти», «Дом из белого кирпича» и др. Главный редактор литературного альманаха «аБДУмана» Фундаментальной библиотеки БГУ. Живет в Минске.

ПРАВДИН Виктор Александрович. Родился в 1955 году в городе Лида Гродненской области. Окончил Высшую школу МВД СССР. Автор ряда книг прозы. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси. Живет в Минске.

ВОРОНОВА Людмила Викторовна. Родилась в 1962 году в деревне Золотеево Зельвенского района Гродненской области. Окончила исторический факультет Белорусского государственного университета, факультет культурологии Республиканского института высшей школы при БГУ. Поэт, прозаик. Выдала ряд сборников стихов и песен. Работает в жанре авторской песни. Лауреат республиканских и международных литературных премий. Живет в Минске.

ТУЛИНОВ Владимир Максимович. Родился в 1947 году в городе Житомире в семье военнослужащего (Украина). Окончил Военный институт иностранных языков (Москва). Прозаик, публицист, поэт, переводчик. Автор книг «Язык мой — друг мой», «Победа одна на всех», «Восточное направление» и др. Живет в Минске.

ДРОБЫШЕВСКАЯ Валентина Станиславовна. Родилась в 1972 году в деревне Большая Rogoznica Мостовского района Гродненской области. Окончила филологический факультет Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина. Поэт, прозаик, детский писатель. Автор нескольких поэтических сборников и книг для детей. Лауреат литературных премий и конкурсов. Старший преподаватель в Белорусском государственном педагогическом университете им. М. Танка. Живет в Минске.

ЖОЛНЕРОВИЧ Петр Петрович. Родился в 1959 году в деревне Озерец Вилейского района Минской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Кандидат филологических наук, доцент. Автор сборника поэзии «Расторгая прастору», двух монографий, «Даведніка па літаратурнай працы», пособий по редактированию. Перевел на русский язык многие произведения Владимира Короткевича, на белорусский — роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и др. Живет в Минске.

ЗЭКОВ Анатолий (ЗЕКОВ Анатолий Николаевич). Родился в 1955 году в деревне Потаповка Буда-Кошелевского района Гомельской области. Окончил историко-филологический факультет Гомельского государственного университета. Поэт, прозаик, публицист, юморист и сатирик, детский писатель. Автор многих сборников поэзии, прозы, сатиры и юмора, книг для детей. Награжден медалью Франциска Скорины. Живет в Минске.

ТОЛЯРОНОК Ольга Федоровна. Родилась в 1960 году в городе Минске. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, прозаик. Автор 17 книг для детей и взрослых. Среди них «Белые туманы», «Уголек со льдинкой», «Призрачное счастье» и др. Живет в Минске.

ДЛУССКИЙ Анатолий Казимирович. Родился в 1958 году в деревне Туча Клецкого района Минской области. Закончил Белорусский государственный театральный институт. Актер театра и кино. Автор и исполнитель песен. Выпустил книгу стихов «Любовь и благодарность». Живет в Минске.

ЖАЛЕЙКО Ирина Петровна. Родилась в 1972 году в городе Новополоцке. Окончила радиотехнический факультет Полоцкого государственного университета. Публиковалась в республиканских и российских СМИ и коллективных сборниках. Живет в Новополоцке.